

С. А. Фомичев

МАТЕРИАЛЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К А. С. ГРИБОЕДОВУ, ИЗ СОБРАНИЯ П. Я. ДАШКОВА

В составе коллекции П. Я. Дашкова, хранящейся в Пушкинском Доме, имеется несколько грибоедовских материалов:

– записка Грибоедова П. А. Каратыгину 1828 г. (РО ИРЛИ, ф. 526, № 23);

– расписка Грибоедова на заемном письме Н. И. Греча (РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 327);

– список эпиграммы Грибоедова на М. Дмитриева и А. Писарева (РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 378);

– список экспромта Грибоедова, написанного во время заключения его в Главном штабе (РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 378);

– разрешение Булгарина на постановку 4-го действия «Горя от ума» (РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 169);

– список «Горя от ума» (РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 63), – копия письма Д. П. Рунича к П. И. Сумарокову от 23 янв. 1832 г. (разбор комедии Грибоедова «Горе от ума») (РО ИРЛИ, ф. 263, оп. 2, № 592).

Этих материалы требуют специального исследования.

Так записка Грибоедова Петру Каратыгину «Друг мой Петя, сделай одолжение достань ложу в 1 ярусе поближе и пару кресел, коли можешь. Прощай А. Г.» должна датироваться маем–началом (до 5) июня 1828 г. Грибоедов прибыл в Петербург 14 марта и уехал оттуда 6 июня 1828 г. В этом году день Пасхи падал на 22 апр., и в пасхальную неделю, а также в предшествующие недели Великого поста на императорских театрах представлений не давали.

Грибоедовский экспромт сопровождается таким рассказом неизвестного лица:

«...в бумагах его <Грибоедова> нашли следующие написанные им стихи:

Что ненавижу слово “раб” –
В том откровенно признаюся.
За то и взяли в Главный штаб –
И повели к И<и>сусу –*
(* Русская пословица: “а чтó, тянут к Иисусу”).

Слышал я это в июле 1851 года от Василия Семеновича Легкобытова, а вместе с тем и дежурному генералу Игнатьеву рассказывал генерал-аудитор Ноинский во время производства всеми ими следствия по Высочайшему повелению над Олонецким губернатором Писаревым. Следствие это производили они, как уверяет Ноинский, в той же самой комнате, где содержался Грибоедов».

Текст данного экспромта в устной передаче (едва ли сам автор его когда-нибудь записывал) более корректно установлен по воспоминаниям современников драматурга.¹

Три документа из коллекции Дашкова тесно связаны между собой.

Во-первых, это расписка следующего содержания:

«Апреля 12-го 1828 взял у статского советника Александра Сергеевича Грибоедова четыре тысячи рублей ассигнациями взаймы на два месяца. Коллежский советник Н. Греч».

Ниже рукой Грибоедова записано:

«Прошу отдать Булгарину. Грибоедов. 6 июня».

Как известно, доставивший в Петербург текст Туркманчайского договора был немедленно принят императором, который пожаловал дипломату чин статского советника и наградил его орденом Анны 2-й степени с алмазами и 4000 червонцами.

Именно из этой суммы были даны деньги в долг Н. И. Гречу, которые в день своего отъезда из столицы Грибоедов распорядился передать Булгарину, который выполнял, по распоряжению драматурга, комиссионерские обязанности: покупки книг и вещей, а главное – на него надеялся Грибоедов в публикации «Горя от ума», оставив с этой целью ему список комедии с надписью на титульном листе «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828» (список ныне хранится в Государственной Публичной библиотеке в С.-Петербурге).

После смерти Грибоедова Булгарин объявил себя душеприказчиком драматурга и потому единственным распорядителем (конечно же, небескорыстным) в отношении сценических представлений и публи-

¹ См.: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1999. Т. 2. С. 240, 516–517.

кации комедии, что впоследствии вызвало протест матери и сестры Грибоедова, что вынудило его оправдываться перед А. Х. Бенкендорфом. В письме к шефу жандармов Булгарин составил отчет о расходовании суммы (25 тыс. рублей), оставленной ему Грибоедовым, но умолчал о четырех тысячах рублей, полученных по расписке Греча.²

Булгаринский след содержится в другом документе из Дашковского собрания:

«На основании данного мне права покойным автором Горя от ума я позволяю сыграть в бенефис гг. Каратыгина меньшого и Григорьева 4 акт и 3 сей комедии. 7 мая 1830 года. Дерпт. Фаддей Булгарин». Дата на этой записке поставлена задним числом, после того как стало известно, что именно в этот день (см. об этом ниже) было одобрено цензором Е. Ольдекопом к представлению 4-е действие «Горя от ума».

В прямой связи с этим «разрешением» находится сохранившийся в Дашковском собрании цензурованный список комедии, довольно сложный по составу. Он не вполне точно описан Н. К. Пиксановым в примечаниях ко второму тому редактированного им академического Полного собрания сочинений Грибоедова,³ так как ученого интересовала прежде всего проблема дефинитивного текста «Горя от ума», для которой театральные списки, в общем-то, не представляли большого интереса. Между тем для сценической истории комедии этот список весьма любопытен, что заставляет обратиться к внимательному его изучению, внося некоторые уточнения к пиксановскому описанию.

По тексту, как и отмечено Н. К. Пиксановым, этот список восходит к булгаринскому, а потому и довольно точен, хотя и содержит некоторые ошибки переписчика, которые, впрочем, были в большинстве случаев исправлены.

Примечательно уже то обстоятельство, что одобренный театральным цензором Евстафием Ольдекопом список попал в Дашковское собрание из коллекции петербургского театра.

Весь же список представляет собою, по сути дела, конволют, который хотя в целом и содержит весь текст комедии, но состоит из отдельных тетрадей, цензурованных в разное время.

Первая цензорская помета имеется после реплики Фамусова во второй сцене первого действия «Все ты лжешь». На л. 5 помечено:

² См.: Русская старина. 1905. № 12. С. 716–718.

³ *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 2. С. 260–263.

«Одобрить к представлению. 4 августа 1830 года. Цензор Евстафий Ольдекоп». Конец второго явления в данном списке отсутствует.⁴

Той же датой помечены цензорские разрешения на л. 21 об. прил. л. 44 об. в конце первого и второго действий.

На л. 45 помечено:

«Третье действие из Горе от ума. На подлинной написано:

Третье действие из комедии Горе от ума одобряется к представлению 11 декабря 1829». На л. 45 об.: «Одобряется к представлению 11 декабря 1829. Цензор Евстафий Ольдекоп».

Первое представление третьего действия комедии состоялось в бенефис А. М. Каратыгиной 11 февр. 1830 г. Повторено 8 и 11 февр., 12 и 19 мая. О характере представления «Московского бала» можно судить по карандашным пометам на списке (л. 2 об.), где обозначены исполнители танцев (1–3-й кадрили).

На л. 77: Горе от ума Четвертое действие Сочинения А. С. Грибоедова. «Одобряется к представлению. Санктпетербург. 7 мая 1830. Цензор Евстафий Ольдекоп». Той же датой было помечено, как выше отмечалось, и «разрешение» Булгарина, якобы написанное в Дерпте (т. е., вероятно, близ Дерпта, на даче Карлово). Спектакль (3-е и 4-е действия) состоялся 16 мая 1830 г., потом неоднократно повторялся, а с 9 окт. с добавлением к тому же и сцен 7–10 первого действия.

Хотя все первое действие (включая и сцены 1–6) было одобрено 4 авг. 1830 г. тем же цензором (л. 5 и 21 об.), оно долгое время с 9 окт. 1830 г. по 15 янв. 1831 г.⁵ все же исполнялось не в полном виде – очевидно, ввиду «неприличия» сцен, связанных с ночным свиданием Софьи и Молчалина, а также с заигрыванием Фамусова с Лизой. Тогда

⁴ Впервые сцены из комедии были представлены в Петербурге на основании разрешения того же цензора. Это были явления 7–10 первого действия комедии, которые были сыграны 2 дек. 1829 г. в заключение бенефиса М. И. Вальберховой после драмы «Иоанн, герцог Финляндский» в интермедии-дивертисменте «Театральное фойе, или Сцена позади сцены», составленной из декламации, пения, танцев и плясок. Спектакль повторен 5 дек. Те же сцены были сыграны в Москве 31 янв. 1830 г. также в составе интермедии-дивертисмента «Маскарад» (роль Фамусова играл М. С. Щепкин) . . .

⁵ В это время на сцене ставились явления 7–10 первого действия вместе с третьим и четвертым действиями комедии. См.: Ежегодник императорских театров. Сезон 1893–1894 гг. Приложение. Кн. 3. С. 45–46. Приведенный здесь перечень представлений комедии «Горя от ума», впрочем, не совсем точен, в период до конца 1831 г. он несколько уточняется по «Журналу театральному» А. В. Каратыгина (РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 7, № 74–77). Здесь, в частности, отмечено, что на спектакле в Малом театре 28 окт. 1839 г. «Горе от ума. Московский бал с танцами и Разъезд после бала» присутствовал император с вел. кн. Александром.

же было одобрено и второе действие: на л. 44 об. имеется резолюция цензора.

Вся комедия была представлена в бенефис Я. Г. Брянского 26 янв. 1831 г.

Дашковский список «Горя от ума», конечно же, наполнен цензурными исправлениями и пропусками авторского текста, типа:

«Ведь [нынче любят] он один из бессловесных»,

«[Правлений] Одежды, климатов, и нравов, и умов».

«Был [высочайшею] одобрительной пожалован улыбкой» и т. п.

Но в одном отношении представленный здесь текст полнее вперые напечатанного в 1833 г. по распоряжению Николая I: «Печатать в том виде, в каком пьеса представляется на сцене». Дело в том, что между л. 24 и 25 дашковского списка помещена вклейка, на которой воспроизведен монолог Фамусова о Максиме Петровиче, одобренный к представлению Ольдекопом (его резолюция специально наложена на этой вклейке), но пропущенный в первопечатном тексте.⁶ Следовательно, наряду с дашковским имелся и иной театральный список, по которому и было предпринято первое издание «Горя от ума».

В высшей степени интересен по-своему эпистолярный отзыв Д. П. Рунича о «Горе от ума»: «Возвращая при сем вам, милостивый государь, Павел Иванович,⁷ рукопись комедии “Горе от ума”, повторяю и на письме извинение, что задержал ее долго. Мне хотелось со вниманием прочесть сие пресловутое творение. Вам угодно знать мое мнение о сем произведении, и я с откровенностью выскажу оно. Булгарин называет его бессмертным – толпа в театре при представлении сей пьесы, как слышу, не оставляет места, где пасть яблоку, а Грибоедовщина и в гостиных – и на гостином дворе превозносит и автора и пьесу до небес. Я уважаю, ценю и люблю все эстетическое, прочел с особенным вниманием “Горе от ума” и скажу о сем творении, что некогда же было сказано было о сатирах Rabelais: *C'est belle Robe bordée d'ordures*.⁸ Это не комедия, ибо в ней нет ни плана, ни завязки, ни развязки, ни единства в действии. Это не драма, тут нет ни добродетели, ни порока, ни страстей, ни злодеяний, которые пред-

⁶ Между л. 26 и 27 также помещена одобренная цензором вклейка (реплика Чацкого в ответ на этот монолог: «Я не об дядюшке об вашем говорю *etc.*»).

⁷ О П. И. Сумарокове см.: Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 199–202; Новгородский край в русской литературе. Великий Новгород, 2009. С. 235–246.

⁸ Рабле «Это прекрасное платье, покрытое грязью» (*фр.*).

ставлены бы были в привлекательном или в отвратительных очерках; это что немцы называют *Eine posse*:⁹ или просто поговорка в действии, в которой воскрешен Фигаро; но как копия, далек от оригинала. В лице Фамусова возобновлен Простаков, но уже не частный глупец, а управляющий казенным местом, и так же гораздо слабее фонвизинского; в лице же дочери Фамусова – дурного общества б..... ка, каких, вероятно, и в Москве, и везде отыскать трудно. Прочие женские лица смешны, похожи на остающихся подлинников на родине моей, в старухе Москве, а мужские сходны со многими любезниками, встречающимися и в других городах, в самой же пьесе нет другой цели, кроме той, чтоб сделать презрительным не порок, а возбудить презрение к одному только классу общества, – и показать несправедливость судьбы! Монолог Чацкого, подражание известному монологу Фигаро, не весьма привлекательно выставляет службу, а путешествие горничной, вероятно с сальной свечкою, после разъезда с бала в комнату секретаря управляющего казенным местом для препровождения его в спальню барышни есть именно ничем не прикрытое распутство: *bordure, qu garnit la robe*.¹⁰ Местами разговорный слог и стихи очень хороши, но последних находится более и в известной Пироновой оде, и в Нелединского стихах “Расхищенные шубы”,¹¹ или что-то такое, не упомяну. Многие мысли, хотя не новы, но высказаны и замысловаты, и удачно. Если бы на театр позволено было представлять в лицах то, что делается между частных стен, в судейских кабинетах, в спальнях актрис, за монастырскими рядами и в других местах, задернутых, щадя нравственность, завесою, то зрителей собиралось бы еще более, чем собирается при представлениях “Горя от ума”! но что от того выиграют правы и нравственность? Фонвизин осмеивает общие заблуждения и невежество большинства своих современников, вывел злоупотребления, которые были нередки, и это мало-помалу истребило Простаковых, Скотининых и Вральманов в некоторых частях общества. Грибоедов выводит на сцену разврат, редко и во всей России, не только в Москве, явный, осмеивает лица ничтожные, каковы Репетилов и Горич, язвит справедливость и возбуждает неприятное чувство в монологе Чацкого. Самое заглавие есть содержание его аксиомы, что умного, великодушного выдают за безумца, а немисленного бога-

⁹ Фарс (нем.).

¹⁰ Кайма, которая украшает платье (фр.).

¹¹ Имеется в виду ирои-комическая поэма А. А. Шаховского «Расхищенные шубы».

того дурака везде предпочитают, а так как старая латинская пословица говорит, что сколько голов – столько умов, то всякий, считая себя и умнее, и достойнее другого, а чаще и всех, по Фигаро-грибоедовской философии будет видеть в Чацком себя, в других же лицах никто и сходства с собой искать не станет; общее же заключение вывести должно будет то, что великодушные и ум терпят одно горе, если бы это подлинно безусловно так было! Какая же нравственная цель сей комедии? Если бы автор назвал ее “Фамусов, или Разъезд с бала”, она была бы смешна и без монолога Чацкого. Таковы “Les princesses ridicules”¹² Мольеровы и немецкая фарса “Deutsche Klienstädter”,¹³ но ему хотелось высказать свои философско-политические понятия, а о прочем он и не думал. Сии мысли мои и мнение о “Горе от ума” предаю суду вашему, пребываю с искренним почтением и равномерною преданностью вашим покорным слугою

Дмитрий Рунич.

С.П. бург
23 января
1832».

Возможно, Рунич, внимательно прочитавший «Горе от ума», уловил в комедии прямые намеки на него самого:

А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В Ученый комитет который поселился.
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился...

—
Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверье
Профессоры...¹⁴

Член Ученого комитета Д. П. Рунич, в качестве исполняющего обязанности попечителя петербургского учебного округа, стал в 1821 г. инициатором правительственных гонений на профессию Петербургского университета (ранее Главного педагогического института). Но вне зависимости от этого он высказывает о творении Грибоедова вполне принципиальное мнение фамусовского толка.

¹² «Смешные жеманницы» (фр.).

¹³ «Немецкие горожане» (нем.).

¹⁴ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. СПб., 1995. Т. 1. С. 28, 93.